Опроверженіе разсказа о кончинѣ графа Аракчеева.

Прочитавъ во 2-й книжкѣ Русскаго Архива за 1868 годъ статью „Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева", я пораженъ былъ чувствомъ горькаго соболѣзнованія о вымыслѣ, доведенномъ г-мъ Романовичемъ даже до того, что онъ не остановился назвать себя очевидцемъ смерти гр. Аракчеева, и, будто, бесѣдуя съ графомъ передъ его смертію, пилъ съ нимъ вино.

Не вхожу въ разсужденіе о томъ, что г-нъ Романовичъ былъ наряженъ отъ полка поздравить графа не съ четвергомъ страстной недѣли, а съ праздникомъ Воскресенія Христова, слѣдовательно и не могъ пріѣхать въ Грузино въ четвергъ и докладывать о себѣ графу, что онъ присланъ отъ полка поздравить его съ праздникомъ Воскресенія Христова. При извѣстной всѣмъ привычкѣ графа къ аккуратности и точности исполненія, онъ не вино бы сталъ пить въ великій четвергъ съ г-мъ Романовичемъ, а подвергъ бы подобное дѣйствіе неминуемо замѣчанію, а можетъ быть и болѣе.

Я, какъ дѣйствительный очевидецъ предсмертныхъ дней и кончины гр. Аракчеева, для возстановленія истины, не долженъ пройти молчаніемъ вымышленнаго сказанія г-на Романовича и считаю себя обязаннымъ опровергнуть послѣдовательно весь его вымыселъ. Графъ Аракчеевъ въ кабинетѣ своемъ въ Грузинѣ не принималъ, вѣроятно потому, что кабинетъ его былъ вмѣстѣ и его спальней; а въ то время въ кабинетѣ своемъ не могъ принять еще и потому, что кабинетъ вновь отдѣлывался, и графъ по этому случаю перешелъ въ другую комнату, и именно въ ту, которую г-нъ Романовичъ называетъ Александровскою, то есть въ ту, въ которой опочивалъ и занимался покойный императоръ Александръ Павловичъ, когда бывалъ у графа въ Грузинѣ. Такъ рѣзко, какъ слово „подлецъ", графъ никогда не позволялъ себѣ выражаться; а царскую фамилію, передъ самыми близкими своими, не только не позволялъ себѣ порицать, но, напротивъ, показывалъ себя благоговѣющимъ и преданнымъ ей. Можно ли же дать вѣру, что графъ, при его сдержанности, порицалъ правительство и великаго князя, выпивъ рюмку вина въ великій четвергъ съ офицеромъ полка своего имени? Инвентари въ каждой комнатѣ были, но надписей на нихъ рукою графа: „глазами гляди, а рукамъ воли не давай", не было; въ томъ можно удостовѣриться и нынѣ на мѣстѣ. Мраморный бюстъ покойнаго государя Александра Павловича не токмо никогда не стоялъ на столѣ, но и не могъ стоять, потому что оный поставленъ не на серебряномъ пьедесталѣ, а на серебряной колоннѣ двухъ аршинъ высоты, и не въ комнатѣ называемой г-мъ Романовичемъ Александровскою, а въ сосѣдней съ нею

между двумя окнами, передъ зеркаломъ во весь простѣнокъ, отъ потолка до полу. На колоннѣ выписано не все письмо покойнаго государя Александра Павловича и для зрителя оно остается тайною, а г-нъ Романовичъ опредѣляетъ самый текстъ письма; на колоннѣ вырѣзанъ токмо конецъ письма, и именно: „Прощай, любезный Алексѣй Андреевичь, незабывай друга, и вѣрнаго тебѣ друга!" Подъ сими словами вырѣзанъ текстъ изъ Священнаго Писанія славянскими буквами: „прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тя на всякъ день живота моего." Такъ графъ Аракчеевъ, желая показать расположеніе къ себѣ государя, во услышаніе всѣхъ изъявлялъ и свое обѣщаніе неизмѣнной преданности и благодарности къ государю и благодѣтелю своему, какъ онъ всегда выражался. На противуположной сторонѣ колонны, обращенной къ зеркалу, нѣтъ вырѣзаннаго запрещенія подъ проклятіемъ не дотрогиваться до бюста (напротивъ, въ присутствіи самого графа всѣ его смотрѣли и трогали); а вырѣзано завѣщаніе подъ проклятіемъ не уничтожать сей знакъ преданности Аракчеева къ государю и послѣ его смерти. Такъ какъ комнаты всего нижняго этажа, въ которыхъ графъ жилъ постоянно и которыя хранятъ сіи памятники преданности его къ государю, оставлены до сего времени въ томъ видѣ, какъ онѣ были при жизни графа, то желающіе провѣрить описываемое мною, въ опроверженіе вымысла г-на Романовича, могутъ все увидѣть, посѣтивъ Грузино. Сорочки, въ которой родился будтобы покойный государь, на столѣ никогда не было; да если бы и признано было приличнымъ сохранять подобное, то вѣроятно нашлось бы мѣсто не въ селѣ Грузинѣ. Это выше уже всякаго вымысла! Полотняная рубашка государя Александра Павловича на столѣ хранилась, но не въ стеклянномъ ящикѣ, а въ полированномъ деревянномъ, на которомъ была надпись, объясняющая случай, по которому оная была дана графу государемъ во дворцѣ, а совсѣмъ не та, въ которой государь скончался. Часовъ въ комнатѣ, г-мъ Романовичемъ называемой Александровскою, не было никакихъ, а были часы въ сосѣдней комнатѣ, мраморной, и не висящіе на стѣнѣ, а на большомъ пьедесталѣ, стоящемъ на полу также въ простѣнкѣ и противъ колонны съ бюстомъ, очень большіе столовые часы, превосходной бронзы и работы, заказанные въ Парижѣ за сорокъ тысячъ франковъ, которые не однажды въ годъ, а каждый день въ часъ кончины государя Александра Павловича играютъ: „Со святыми упокой". Вина графъ не пилъ, находя его вреднымъ. И для гостей самыхъ почетныхъ ничто не выходило въ Грузинѣ изъ опредѣленнаго часу и порядка; вино тамъ подавалось только къ столу и для г-на Романовича графъ не вышелъ бы изъ этого порядка, разъ и на всегда учрежденнаго.

Сказка, придуманная ловкимъ молодымъ человѣкомъ, какъ опредѣляетъ себя г-нъ Романовичъ, не ловка и не естественна. Графъ Аракчеевъ, пріобыкшій бесѣдовать съ царями и въ совѣтѣ ихъ, вдругъ въ великій четвергъ страстной недѣли пьетъ вино въ бесѣдѣ съ оберъ-офицеромъ имени своего полка, и порицаетъ ему правительство и великаго князя! Занимательно, но не правдоподобно, даже и тогда, еслибъ г-нъ Романовичъ дѣйствительно былъ у графа.

Графъ Аракчеевъ занемогъ не въ страстную пятницу, а въ пятницу шестой недѣли поста, и не медля, послалъ въ Петербургъ за докторомъ Миллеромъ, который пользовалъ его прежде; и въ тоже время государь Николай Павловичъ, узнавъ о болѣзни графа, прислалъ къ нему лейбъ-медика Я. В. Виллье; Левицкій же былъ токмо врачемъ госпиталя устроеннаго въ Грузинѣ для крестьянъ. Въ понедѣльникъ страстной недѣли графъ почувствовалъ себя хуже, и во вторникъ послалъ въ Старую Русу (въ 150 верстахъ отъ Грузина) за генера-

ломъ Фонъ-Фрикенымъ (*), бывшимъ нѣкогда командиромъ полка имени графа, котораго графъ любилъ и впослѣдствіи оказывалъ свое расположеніе ко всему его семейству; а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ и за мною. Въ то время я былъ въ имѣніи моемъ (50 верстъ отъ Грузина). Ко мнѣ графъ былъ расположенъ по дружбѣ его съ отцемъ моимъ, корпуснымъ его товарищемъ; сему я имѣю доказательствомъ сохранившіяся у меня въ большомъ количествѣ собственноручныя письма графа Аракчеева къ отцу моему, часть которыхъ передана мною артиллеріи генералу В. Ѳ. Рачу, пишущему записки о гр. Аракчеевѣ, которому я обѣщалъ, когда придутъ къ тому времени записки, сообщить и болѣе подробныя свѣдѣнія о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ гр. Аракчеева.

Я пріѣхалъ въ Грузино въ среду въ полдень. Графъ выразилъ мнѣ свою признательность, что скоро пріѣхалъ, и я оставался при немъ до часу его смерти. Я. В. Виллье и доктора Миллера я нашелъ уже въ Грузинѣ при графѣ; они объявили мнѣ о безнадежномъ его состояніи. Вѣсть о болѣзни графа дошла и до Новгорода. Въ четвергъ пріѣзжалъ въ Грузино Новгородскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Бѣлавинъ, но о немъ графу не докладывали, и Н. И. Бѣлавинъ, узнавъ о тяжкомъ состояніи болѣзни графа, въ четвергъ же и уѣхалъ. Въ пятницу болѣзнь пошла еще къ худшему; сдѣлалась сильная одышка (у него предполагали аневризмъ въ сердцѣ, а не антоновъ огонь), но при всемъ томъ въ пятницу вечеромъ около 8 часовъ графъ пожелалъ видѣть свой кабинетъ, только что оконченный возобновленіемъ, и просилъ меня свести его туда, что̀ я и исполнилъ, поведя его подъ руки вмѣстѣ съ человѣкомъ его Власомъ; но проведя комнату сосѣднюю съ тою, гдѣ графъ лежалъ, мы встрѣтили идущаго къ графу Я. В. Виллье, который тотъ часъ же его остановилъ, объяснивъ, что движеніе можетъ сдѣлать ему вредъ. Тогда графъ приказалъ посадить себя въ той же комнатѣ на кресло противъ бюста, на серебряной колоннѣ стоящаго; говорилъ со мною о многомъ, и когда подали огонь, просилъ меня читать ему газету, что̀ продолжалось часа полтора; потомъ приказалъ положить себя на диванъ въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ; но лежать не могъ, сѣлъ на томъ же диванѣ обложенный подушками и скончался съ субботу утромъ въ то самое время, когда за заутреней носили плащаницу кругомъ Грузинскаго собора.

Удостовѣряю какъ очевидецъ, что графъ, больной, медицины и докторовъ не бранилъ и скончался не всовывая въ ротъ пальцевъ. Тѣло графа обмыли его люди, и я самъ помогалъ надѣть на него завѣщанную имъ полотняную рубашку покойнаго государя Александра Павловича. Г-на Романовича во все это время я при графѣ и въ Грузинѣ не видалъ. Въ пятницу же вечеромъ пріѣхалъ Новгородскій уѣздный предводитель дворянства А. Д. Тырковъ, который, какъ посторонній, къ графу не входилъ, но въ Грузинѣ ночевалъ, и въ субботу, когда положили графа на столъ, Тырковъ взялъ къ себѣ ключи, а я запечаталъ столъ и бюро, и отпечаталъ ихъ, по пріѣздѣ въ Грузино въ первый день свѣтлаго праздника для похоронъ графа, генералъ-адъютантъ Клейнмихель, который и принялъ все въ свое распоряженіе.

За Арендомъ графъ посылать не просилъ и тотъ, кто говоритъ съ такою увѣренностію, „я послалъ фельдъегеря за Арендомъ“, послать фельдъегеря не могъ по очень простой причинѣ, потому что при графѣ въ Грузинѣ не находилось ни одного фельдъегеря. Описанный г-мъ Романовичемъ поступокъ одного офицера, подходившаго къ гробу со стаканомъ шампанскаго, конечно не можетъ быть признанъ поступкомъ блестящимъ и дѣлающимъ честь тому офи-

(*) Фонъ-Фрикенъ пріѣхалъ въ субботу вечеромъ поздно, не заставъ уже живаго графа.

церу; подобныя дѣйствія офицеровъ своего полка желательно лучше бы постараться скрыть, нежели выставлять наружу; но я отношу и оное къ вымыслу. Въ то время былъ уже въ Грузинѣ генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель, который не допустилъ бы подобнаго безобразія. Погребеніе было совершено не во вторникъ, а въ среду святой недѣли. Разсказъ г-на Романовича о памятникѣ графа также вымыселъ; памятникъ состоитъ изъ гранитнаго камня; появился онъ не въ 1833 году,ˣа я помню его еще въ 1818 году надъ могилой въ Грузинскомъ соборѣ (*), самимъ графомъ себѣ приготовленной. Грузинское имѣніе отдано Новгородскому корпусу не самимъ графомъ, а государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ силу духовнаго завѣщанія графа, предоставлявшаго онымъ право и выражавшаго просьбу Государю послѣ его смерти назначить ему наслѣдника по выбору и волею государя императора, если бы онъ при жизни своей не назначилъ себѣ самъ таковаго. Въ силу-то таковаго духовнаго завѣщанія, въ сенатѣ хранившагося, какъ ˣграфъ самъ себѣ наслѣдника не назначилъ, то государю и угодно было назначить все имущество графа въ Новгородскій кадетскій корпусъ, присвоивъ ему гербъ и наименованіе Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

При жизни графа я въ Грузинѣ бывалъ довольно часто, гостилъ у графа по недѣлямъ, катался съ нимъ по деревнямъ его, графъ при мнѣ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ, но подобныхъ дѣйствій, какъ описываетъ г-нъ Романовичъ, съ свадьбами и экзекуцій съ пѣніемъ „Со святыми упокой, Господи", мнѣ никогда ни видѣть, ни слышать не случалось; да и графъ, при его природномъ умѣ, держалъ себя слишкомъ религіозно, чтобъ позволить себѣ святотатствовать; да и при наказаніяхъ никогда не присутствовалъ. И такъ весь разсказъ г-на Романовича о графѣ Аракчеевѣ есть вымыселъ, и если г-ну Романовичу угодно будетъ удостовѣриться, что при смерти графа былъ я, а не онъ, и что все описываемое мною о смерти графа вѣрно, то можетъ онъ обратиться ко мнѣ: я представлю свидѣтелей. Жительство имѣю въ С. Петербургѣ, въ Надеждинской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Алексѣй Платоновъ Бровцынъ.

(*) Грузинская церковь въ 1811 году соизволеніемъ государя утверждена соборомъ.